

«ВСЕ ДУМЫ – О ВАС»

(Подготовка к итоговому сочинению по литературе по разделу «Семья, род; семейные ценности и традиции» или к сочинению ЕГЭ по русскому языку)

**Абрамова С.Н., учитель русского языка
и литературы МБОУ города Костромы
«Средняя общеобразовательная школа №11»**

В современном обществе роль семьи несравнима по своей значимости с другими социальными институтами. Именно в семье закладываются основы нравственности человека, формируются нормы поведения, раскрываются внутренний мир и индивидуальные качества личности. Прежде всего, семья – это родные, «кровные» для нас люди. Но настоящая семья – это больше, чем просто родственники. Это особое взаимоотношение друг к другу: любовь, взаимопомощь, выручка. Без этих качеств не существуют взаимопонимание в семье.

Павел Флоренский считал семью первоначальной ячейкой духовности человека. На уроке учащиеся знакомятся с письмами П.А. Флоренского семье, определяют основные нравственные ориентиры взаимоотношений в семье, готовятся к сочинению по заданной тематике.

В ходе урока учащиеся работают в группах, проводят анализ писем, озвучивают выводы (рабочий лист урока). Продуктом является составление интеллектуальной карты, которую можно использовать при подготовке к итоговому сочинению по разделу «Семья, род; семейные ценности и традиции» или к сочинению ЕГЭ.

Цель занятия: способствовать возрождению традиций внутрисемейной этики на примере семьи Павла Александровича Флоренского, воспитывать уважение к общечеловеческим ценностям: любовь, семья.

П.А. Флоренского часто называют «русский Леонардо да Винчи». Трудно перечислить все отрасли деятельности, в развитие которых он внес свой вклад. Это математика, физика, философия, богословие, биология, геология, иконография, электроника, эстетика, археология, этнография, филология, агиография, музейное дело, не считая поэзии и прозы.

Но есть в его наследии и другое, не менее значительное: счастливый и одновременно трагический опыт семейной жизни, отцовства. При всей своей уникальности, этот опыт понимания детей востребован в любое время, ведь причастность человека к своему «роду – племени», своим корням, своей семье – это осознание источника своей жизни, своей культуры, своего менталитета.

«Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением их памяти», - писал отец Павел.

Какую роль семья играет в жизни человека? Какие ценности она формирует? На каких принципах должны строиться взаимоотношения в семье?

В своих воспоминаниях П.А. Флоренский пишет: "Располагаясь рассказать Вам, мои сынки, о своей жизни и о своих впечатлениях, я сознательно ограничиваю содержание своего рассказа тем кругом сведений, который был для меня родным и впитавшимся в моё сознание с детства. Так мне легче будет дать Вам представление об укладе нашей жизни, о первоначальных интересах моих".

Первостепенную роль в формировании мировоззрения у о. Павла сыграла семья.

Семья Флоренских (родителей) была сплоченной и многолюдной (7 детей и несколько тёток). Мать Флоренского - Ольга Павловна - происходила из старинного, культурного и знатного рода. Ольга Павловна пережила в молодости личную драму: узнав о несогласии отца на брак её с петербургским студентом и поступив против родительской воли, она всю жизнь считала себя не прощенной, оторвавшейся от родового корня, внушала детям: "Мы - люди самые обыкновенные, самые простые", - но вековая печать аристократизма сказывалась и на её поведении, и на воспитании детей. Отношение к матери у Флоренского исполнено тайны. Сколько он себя помнил, у него не было к матери привязанности чисто сыновней, мать всегда была для него существом особенным, как бы живым явлением природы, кормящей, рожающей, благодетельной - и вместе с тем далёкой и недоступной.

Родословная Флоренских по отцовской линии ведёт своё начало с Костромской земли. Отец Павла Флоренского был инженером по строительству железных дорог. В 1880 году в связи с назначением отца на строительство Закавказской железной дороги семья поселилась в Закавказье, где Павел Флоренский родился и провёл детство. Фигура отца в воспоминаниях Флоренского ключевая. Единство "отца и сына" для мальчика было безусловным, он признавал отца непререкаемым нравственным авторитетом. Образ отца при всех условиях неизменно оставался эталоном. А для Александра Ивановича (отца Флоренского) идолом всегда оставалась семья, все её тяготы он с готовностью брал на себя и "терял равновесие", если его старания оказывались безрезультатными.

"Дом, семья - есть живое существо", - писал позже П. Флоренский. Не "я", а "мы" - таково было отношение к внешнему миру, т.е. за пределами семьи. Причём семейное единство крепилось на основе до неправдоподобности благородной (нравственная чистота, воспитанность, которая не допускала ни обид, ни сплетен; такие слова как "служба", "начальство", "деньги", "мужья и жены" были вычеркнуты из семейного словаря).

Из воспоминаний Флоренского: "Уж слишком у нас в доме было сплошное тепло, сплошная ласка, а главное — сплошная порядочность и чистоплотность". Он рос нежным, отзывчивым, покорным в атмосфере всеобщей любви.

В своих воспоминаниях об отце П. Флоренский пишет: «Семья была его идолом, его богом, а он – ее жрецом и ее жертвою». Как вы понимаете смысл этих слов?

Погружаясь в свою родословную, Флоренский долго задумывался над тем, чтобы и своих детей вырастить "в более полнокровной, более почвенной жизни". Можно сказать, что для Флоренского любовью и идеалом жизни (как когда-то и для его отца) стала семья и дети. Подтверждение этому - общение Флоренского с семьёй через письма из Соловецкого лагеря. Разговор с женой и детьми через письма - единственная трепетная ниточка, которая в казенной неволе связывала его с любимыми людьми

Работа в группах. Каждой группе предлагается прочитать выдержки из писем о. Павла семье (матери, жене, старшим и младшим детям), ответить на предложенные вопросы, сделать выводы. Совместное обсуждение результатов работы. (см. приложение)

Такие письма Флоренский, при всей их отрывчивости, очень индивидуальны, понятны детскому разуму, в них столько заботы, отцовской любви и терпения. Спокойно читать эти письма нельзя, зная, в каких унижительных условиях они написаны. В завещании детям он просит: "Обо мне не печальтесь и не скорбите по возможности. Если вы будете радостны и

бодры, то мне этим доставите успокоение. Я всегда буду с Вами душою, а если Господь позволит - буду часто приходить к Вам и смотреть на Вас. Но Вы уповайте на Господа и на его Пречистую Матерь и не печальтесь".

- Над какими проблемами заставили вас задуматься письма Флоренского семье?

- Почему проблемы, обозначенные вами, актуальны для человека любого возраста?

Это была последняя из созданных Павлом Флоренским наук — наука расставанья. И эта наука — самая понятная для всех нас. Она о том, как, находясь в разлуке с детьми (а это, увы, случается и в наше время), можно чувствовать их рост, влиять на их устремления, питать их ум и душу, имея в распоряжении лишь клочок бумаги, карандаш и любящее сердце. Очевидно, что эта наука, выросшая из несчастных обстоятельств, только в России и могла возникнуть. Только в стране, где в XX веке редкая семья не испытывала хронической насильственной разлуки, могла родиться эта столь же экстремальная, сколь и обыденная педагогика в разлуке.

Письма Флоренского семье — как спутники, запущенные им на недостижимую для конвоя высоту. Они доносят его любовь поверх колючей проволоки, транслируют его мысли и каждой строчкой побеждают смерть.

Составление интеллект-карты по теме «Семья»

Семья - это островок понимания, любви, тепла и надежности. Здесь ты черпаешь силы, обретаешь уверенность, перенимаешь опыт, разрешаешь сомнения, находишь прощение своих ошибок...

Особое, подчас необъяснимое чувство вызывают у нас люди, передавшие нам свои черты, достоинства и слабости. А что мы знаем о них?

В каждом из нас можно найти одновременно характерные черты всех наших предков: нос мамин, подбородок бабушкин, характер папин и т.п., а иногда это настоящая взрывчатая смесь. Чтобы лучше познать себя, мы изучаем свою семью, её родословную. Вокруг каждого из нас много родных, с ними мы связаны незримыми ниточками – кровью: бабушки, дедушки, дяди и тети... Есть родные, которые моложе, есть и гораздо старше нас. И тот род силен, который предков помнит и чтит. Такой род можно сравнить с большим и крепким деревом, которое имеет глубокие и сильные корни. А если много таких крепких деревьев, то и буря им не страшна. И враг не пройдет сквозь такой лес.

Семья — источник радости и счастья,

Любви неиссякаемый родник.

И в ясную погоду, и в ненастье

Хранит семья и ценит жизни миг.

Семья — оплот и сила государства,

Хранящая традиции веков.

В семье ребёнок — главное богатство,

Луч света, как маяк для моряков.

Лучи растут, становятся всё ярче

И люди жадно тянутся на свет.

Душа семьи становится богаче,

Когда царят любовь в ней да совет.

Когда царит взаимопониманье,
Тогда весь мир лежит у ваших ног.
Любовь в семье — основа Мироздания.
Так пусть хранит все наши семьи Бог!

Домашнее задание

Сочинение – размышление: «Какие нравственные ценности укрепляют семью?»

Приложение

Рабочий лист

Письма матери	Письма жене	Письма старшим детям	Письма младшим детям
Вопросы			
- Как обращается о. Павел к любимым людям? - О чем разговаривает П. Флоренский с каждым членом семьи? - Что его интересует, волнует? - О чем отец рассказывает детям? Какие советы дает? Чему пытается научить? - Какие слова подбирает отец, чтобы каждый ребенок его услышал и понял? - Как он выражает свою любовь к детям? - Какие чувства о. Павла проявляются в его письмах? - Какова роль отца в воспитании детей? - Какую роль в семье играет женщина- мать? - Какие качества Флоренский хотел бы видеть в детях? - Какие семейные ценности, на ваш взгляд, присущи семье Флоренских?			
Мои наблюдения			
Мои выводы			

Из писем матери

1934

«Дорогая мамочка, уже, кажется, два месяца, как я не получаю ни от кого из вас известий и беспокоюсь о твоём здоровье и о том, как вы живете. Надеюсь, что вы все-таки пишете, но перебой произошел из-за перемены моего адреса. Писал я вам неоднократно, но не знаю, дошли ли мои письма до вас. Просил сообщить адрес мальчиков, и тоже не получил

ответа. Слухи ходят, что в Москве эпидемия гриппа, и потому беспокоюсь вдвойне. Мне живется здесь хорошо во всех отношениях, и одно только меня тревожит – это мысль о вас всех.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Адрес мой – на обороте. Скажи мальчикам, чтобы они порадовали меня письмом, а младшим, что я собираю для них сахар».

1935

«Дорогая мамочка, только что вернулся с заседания, на котором наша «водорослевая бригада» делала отчетный доклад по работе за истекший месяц. За чаем сообразил о наступающем, точнее уже наступившем, т.к. сейчас 2-й час ночи, дне твоего рождения. Поздравляю тебя, хотя и с опозданием. Давно думал об этом дне, но мне казалось, что он еще далек, и наступил неожиданно.

Целую тебя крепко, моя дорогая мамочка, береги себя и будь здорова.

Дорогая мамочка, прежде всего пользуюсь случаем поздравить тебя с наступающим семейным праздником (11 июля), а также Люсю. Хотя это и преждевременно, однако не знаю, смогу ли написать после, поэтому делаю сейчас».

1936

«Дорогая мамочка, вчера получил твое письмо от 15 июля, в котором ты сообщаем, что дошло мое от 24 мая. Как я уже писал, мне очень утешительно думать, что ты живешь со всеми нашими, боюсь лишь, достаточно ли тебе спокойно. Один из моих знакомых сообщил мне, что ты бодра и молода; хорошо бы, если только это у него не поверхностное впечатление. Ты полу-спрашиваешь, почему я возвращаюсь к впечатлениям детства. Прежде всего потому, что внутренний мир выкристаллизовывается около них и ими существенно определяется. А затем, думается, и тебе прошлое не должно быть чуждо, хоть ты и стараешься о нем забыть. Я не понимаю этого. Если жизнь вообще имеет смысл и ценность, то забывать прошлое – неблагодарность и неразумие, ибо все становится прошлым, и тогда вся жизнь в сумме должна оказаться чистым нулем. Память о прошлом есть и долг и содержание жизни, и нельзя ценить настоящее и пользоваться им, если оно не коренится в прошлом. И наконец, жизнь, смыкаясь, под старость извращается к детству, таков закон, такова форма целостной жизни. Если у тебя этого еще нет, то свидетельствует это забвение лишь о твоей молодости: ты еще не дожила до близости с давнопрошедшим. Мы живем, подымаясь на гору жизни, затем доходя до вершины жизни и, наконец, спускаясь. Но восходя, мы проходим напластования своей личности в одном порядке, а нисходя – их же, но в порядке обратном. Каждому этапу роста соответствует этап старения, и тогда возвращаются те же интересы, те же мысли, та же настроенность, хотя все это и в иной тональности. VIII. 4–5. Поздравляю тебя, дорогая мамочка, с прошлым праздником 24 (11) июля. Целую тебя, дорогая мамочка, береги себя, пользуйся летом, будь здорова».

«Дорогая мамочка, воображаю, как жарко у вас, если и тут, при полярном круге, стоят жары и духота. Хорошо еще, что ты не в Москве и можешь сидеть на воздухе. Я часто радуюсь твоему пребыванию в Загорске, хотя и не уверен, что тебе там достаточно спокойно. Но вероятно жара тебе полезна, ведь после Тифлиса ты оправилась.

Недавно попался мне том Достоевского, в котором не менее трети страниц по разным местам выдрано. По поводу этого тома я задумался снова: как история проявляет худшее и лучшее, отстаивает муть и выделяет классиков. То, что современникам кажется почти

равного удельного веса, в процессе исторического отстаивания обнаруживает глубокое качественное различие. Сперва все кажется серым, а потом одно становится черным, а другое – белым. Мысль утешительная, что есть высший суд – истории. Так вот, в частности, и Достоевский: хорошо сделано. Можно не соглашаться с настроениями и мыслями автора, возражать против предмета его внимания и т.д., но с любой страницы видишь, что сделано хорошо: построено, композиционно, не представляет груды сырых впечатлений, целеустремленно. К стилю Достоевского подходит и его коренной недостаток: полное невнимание к природе. Видишь только стены, даже Нева не чувствуется. Но как человек может жить в такой бесприродной пустоте – мне непонятно, как вообще непонятна городская жизнь, вне пейзажа, без скал, воды, зелени, почвы. Естественно, что в таких искусственных условиях возникает и иллюзионистичность мироотношения и изломанность всех человеческих чувств. Когда-нибудь впоследствии люди будут с ужасом думать о городах и о городской жизни, как о добровольной тюрьме, с происходящими отсюда последствиями – выдуманных задачах жизни, мелочности интересов, искусственно созданных страстях, засорении души трудностями, развеивающимися при соприкосновении с природой, искусственно поддерживаемой духотой атмосферы. Сдуюсь, что моя жизнь прошла почти вне города и хотел бы, чтобы дети были еще дальше от него. Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Будь здорова, заботься о себе, кланяйся Люсе».

1937

«Дорогая мамочка, письмо твое получил 20 марта (оно от 16 февраля). Эта длительность передачи усиливает чувство расстояния, хотя я и всегда мыслями с вами. Ты пишешь о записи мыслей. Некогда, мамочка, и не для чего. Записываю, но не мысли, а фактические сведения, то, что собирать долго и, если напал на что, то снова в другой раз уж не найдешь. Хотелось бы научить, чему могу, детей, собственная же деятельность меня не влечет, и я предпочел бы оставаться со своими мыслями в уединении. Не уверен даже, что восприняло бы будущее, т.к. у будущего, когда оно подойдет к тому же, будет и свой язык и свой способ подхода – Читаю Юма, Историю Англии во французском переводе. Знаешь ли? Хоть ее писал архискептик и архианалитик в философии, однако она художественна и читается как шекспировская хроника. Жаль, нет времени вести чтение сколько-нибудь быстрым темпом. Нравы были как будто жесткие, но вероятно и к жестким нравам люди приспособлялись и приучались: люди легко приминаются к любой форме. Крепко целую тебя, дорогая мамочка».

Из писем жене**1934**

«Дорогая Аннуля, если бы вы могли чувствовать и понимать, как я люблю всех вас и как страдаю за вас, то вам было бы легче. Но я не знаю, чем помочь вам и не знаю даже, чем выразить свою любовь. Знайте только, что вы для меня дороже жизни, и я всем бы пожертвовал для вас, лишь бы вам было легко и хорошо. Но я не умею и не привык говорить об этом, и потому не нахожусь слов, чтобы высказать свое чувство. Каждого из вас я мысленно по многу раз в день представляю себе и ласкаю, как могу, и по каждому сердцу болит по-своему. Скажи об этом детям, как умеешь. Писать им не могу, да они еще малы, все, начиная с Васюшки, и не поймут моих слов, – может быть поймут когда-нибудь потом, когда вырастут. Крепко-крепко целую каждого из вас, но не знаю, чем мог бы порадовать. Да и писать не о чем, так как живу без событий, если не считать событиями явления в кристаллах и различные новые явления при замерзании воды и грунтов. Мне тяжело, что живется спокойно и мирно, когда вы, мои дорогие, страдаете. Я принимал за это время удары за вас, так хотел и так просил Высшую Волю. Но вот опять вам тяжело, и я не могу облегчить ваше положение. Те пустяки денежные, которые я посылаю вам, конечно, мало принесут вам пользы, но мне хочется, чтобы вы знали о моей заботе, поскольку она возможна. Беречь деньги мне негде, тратить – не на что, питаюсь я не только достаточно, но и чрезмерно, так что часть своей еды каждый день отдаю кому-нибудь. Что касается сбережений на лето, то не стоит думать о сбережениях и урезывать себя. Пожалуйста, не скупитесь, деньги тратьте и по возможности не голодайте. Придет лето, и что-нибудь с денежными делами сделаете помимо того, что получаете сейчас».

«Заботься о себе и сохрани мне себя и деток, это единственное, о чем я прошу тебя. Старайся не переутомляться и лечиться. У всех свое горе и свой крест. Поэтому не ропщи на свой. За это время я видел кругом себя столько горя во всех видах и по всяким причинам, что этим собственное отвлекалось. Алексею Ивановичу кланяйся, поблагодари от меня за внимание к вам и за память обо мне».

«Как здоровье Васи? Хочется, чтобы хоть мальчикам удалось поработать и сделать что-нибудь полезное и интересное. Играет ли Олечка?.... Больше всего думаю о тебе, моя Дорогая, боюсь, что ты унываешь, и беспокоюсь о твоём здоровье. Будь радостна и добра, заботься о наших детях. Старайся, чтобы вы питались получше – продавайте, что можно. Крепко целую тебя и всех вас, не забывайте своего папу».

«Меня беспокоят головные боли Оли. Не происходят ли они от малокровия или от нервного истощения. Во всяком случае ей следовало бы давать фитин или другой какой-нибудь препарат фосфора».

1935

«Дорогая Аннуля, я же понимаю, что тебе трудно, тяжело, беспокойно и грустно. Но все же надо стараться с большим душевным миром воспринимать окружающее, а главное — близких. Я верю в своих детей, и разные шероховатости пройдут в свое время. Это дело возраста. А кроме того, им ведь тоже не легко дается жизнь... Тика, пишешь, болезненно застенчива. Как ясно я понимаю ее состояние ... Ей непременно надо помогать в уроках, хотя бы часть делать за нее. Стоит ей заработать 2-3 поощрения, как она развернется, и дальше дело пойдет само собою гладко... Постарайся вовлечь детей в игру — припоминать

немецкие слова и фразы, мотивы, сравнивать и т.д., например, кто вспомнит больше слов на такую-то букву или с таким-то окончанием и т.д., если будут делать ошибки, это неважно ...Главное — это развить привычку, главное — постоянное упражнение, и это в любой области. Одним натиском ничего не сделаешь...»

«Постоянно думаю о вас; как хотелось бы помочь вам. Мои мальчики предоставлены самим себе, а им надо было бы сейчас оказывать помощь. Наверное они меня, если не забыли, то скоро забудут; ведь жизнь идет своим чередом и несет их изо дня в день. Мне жалко тебя, мою дорогую: тебе со мной досталась тяжелая доля и никаких радостей ни в прошлом, ни в настоящем. Ты не заботишься о своем здоровье, унываешь, меня это особенно беспокоит. Но что я могу сделать со своего отрезанного от мира острова?»

«Напиши непременно о здоровье всех вас, в особенности о своем собственном и об Олином. Окрепили ли Тика и Мик? Давала ли какие-нибудь советы по музыке Мария Вениаминовна? Продолжает ли Васюшка горбиться? Очень скучаю по тебе, по всем вам. — Доверенности тебе (две) отправлены, но не знаю, скоро ли дойдут. Если будет случай, узнай, вышла ли в свет книга об изоляционных материалах, которую я когда-то давно редактировал. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Заботься о своем здоровье».

1936

«Дорогая Аннуля, получил твои письма. Беспокойно за вас, особенно в связи со свирепствующим везде гриппом. Пожалуй, не к чему давать советы, они придут слишком поздно. На всякий случай напишу: в качестве предупредительной меры принимать по 2–3 капли йодной тинктуры, лучше в молоке, но именно йодной, а не бромферрона, в настоящее время часто выдаваемого за йод; в случае заболевания непременно вылеживаться, и не только в течение самой болезни, но и 3–4 дня после выздоровления и делать поменьше движений; остерегаться поводов к простуде. — Присылал я тебе рецепт капель от зубной боли, но забыл упомянуть, что зуб непременно должен быть просушен».

«Относительно устройства Оли — что же я могу сказать тебе, кроме повторения твоих же слов: ведь мне неизвестны условия и возможности, а мои желания — дело слишком маленькое, т.к. они бессильны. Во всяком случае против курсов иностранных языков не возражаю, т.к. знать языки совершенно необходимо, чем бы Оля ни стала заниматься впоследствии. Одно только, не будет ли ей слишком трудно трижды в 6 дней ездить в Москву. Впрочем об этом судить отсюда слишком трудно, т.к. мне неизвестно, насколько наладилась электрическая железная дорога и очень ли переполнены вагоны. Вот видишь, если бы мы и смогли разговаривать устно, я не знал бы, что ответить на твои вопросы. Все думаю или, точнее сказать, страдаю о маленьком, он у меня перед глазами, и работа валится из рук. Непременно скажи Васе и Кире, чтобы они брали себе материалы и мысли из моих данных, какие могут пригодиться им в работе; только, опасаясь, они не сумеют разобраться, что нужно к чему, т.к. мои записи делались применительно к темам, которые я держал в голове (некогда было записывать и их), и кроме меня кому-либо трудно разобраться в подготовительном материале».

1937

«...Ты пишешь, что Оле хочется вкусного. Но ведь вкусное делается таковым главным образом от приправы: необходимо давать пище запах, хорошо прожаривать, придавать остроту или сладость, и тогда самые простые припасы обращаются во вкусные кушанья... Делаешь ли ты детям когда-нибудь мой сыр? Это хорошая приправа к каше, самой безвкусной, и делает ту же кашу или картошку нарядной. А есть надо только то, что по вкусу, иначе еда мало полезна... Если бы я был с вами, я варил бы вам мармелад — расход сахара в общем остается тем же, если не меньше, а впечатление совсем другое. Хочу сказать: надо уметь жить и пользоваться жизнью, опираясь на то, что есть в данный момент, а не обижаясь на то, чего нет. Ведь времени, потерянного на недовольство, никто и ничто не вернет»

"Мик делает ошибки, это пройдет, но при случае отмечай ему, что написал он неправильно и почему". "Олю надо беречь, она находится в таком возрасте, когда бывают особенно чувствительны ко всем толчкам жизни".

«Видно, мои мысли только с вами. Сегодня я опять видел вас во сне, необыкновенно живо, и опять маленькими, и опять ваши образы сливались с образами моих братьев и сестер, когда те были маленькими. Чувствую, что меня ничто уже, само по себе, не интересует и только как-нибудь соотносясь с вами подвигает мысль. С некоторым увлечением изучаю водоросли; однако подогревает лишь возможность поделиться с вами — хотя бы при помощи рисунка. Прочел или, точнее, перечел прочитанного в раннем детстве «Антиквария» Вальтера Скотта». И вдобавок узнаю о статьях Некрасова (притом хвалебной, в этом весь ужас!) «О русских второстепенных поэтах», а именно, в один ряд: о Тютчеве, Веневитинове, Фете и Боткине (напечатано в «Современнике» в 1849 г.). Еще узнал оттуда же, что будто Пушкин ставит Бальзака в связь с Жаненом и Сю, но что-то не верится, неужели Пушкин мог сказать такую безвкусицу. Так и живешь, получая удар то с одной стороны, то с другой.

Крепко целую тебя, дорогой. Сообщи о своих работах, и не могу ли помочь тебе чем-нибудь. — Посылаю вам 5 карточек — по изучению водорослей (на них 7 рисунков).

«Дорогая Аннуля, пользуюсь случаем черкнуть тебе несколько слов. Последнее время я часто во сне вижу вас и маму; вероятно (надеюсь!) это свидетельствует о том, что думаю о вас больше и постояннее, чем сознаю, и моя мысль проявляется в сновидениях. Но они столь живы и реальны, что после, проснувшись, остаюсь под их впечатлением. Отсюда двойственность настроения. Личная жизнь унылая, а мысль о великости исторических событий, совершающихся в мире, подымает. Наши потомки будут завидовать нам, почему не им в удел досталось быть свидетелями стремительного (в историческом масштабе) преобразования картины мира. Мы ведь попали в стремнину истории, в поворотный пункт хода исторических событий. В любой отрасли жизни происходит переустройство в самих корнях, но мы слишком близко стоим к этой грандиозной картине, чтобы охватить и понять ее в целом. Пройдут десятилетия, и тогда лишь общее ее станет уловимо в своей подлинной значительности. — Часто думаю о маленьком. Мне жаль, что не вижу его роста, но радуюсь за тебя — маленький около тебя. Он-то не сознает этого, однако впечатления врезаются в него и, бессознательно для него, потом дадут себя знать. Живу я более или менее по-старому, т.е. в работе и в беготне из верхнего этажа на нижний и обратно. Чувствую, что материально вам приходится трудно. У меня, по твоей просьбе, скопилась пустяковая сумма, если можно

будет, то вышлю ее тебе, но не сразу. Это можно будет сделать, надо провести через соответственные разрешения и оформления. Крепко целую тебя, дорогая, деток, маленького; кланяйся бабушке. Жду письма, что-то давно не получал».

Из писем старшим детям

1933

«Дорогой мой Васенька, наконец-то я пишу тебе. Письмо твое получил одно. От мамы я узнал, что ты уехал летом в экспедицию, и потому не писал тебе, а потом никак не мог найти время подходящее. Я был очень рад, что ты и Кира поехали в новые для вас места, тем более что в течение всего лета, т.е. до 13 августа, был уверен, что поездка твоя не удалась. Надеюсь, ты набрался новых впечатлений и знаний, так что твой кругозор обогатился. При изучении природы главное дело – иметь непосредственные впечатления, которые если наблюдать по возможности непредвзято и непредубежденно, постепенно сами собою складываются в общую картину; а из общей картины возникает интуиция типов строения природы, она-то и дает основания для углубленных выводов. Без этой интуиции выводы всегда остаются лишь условными схемами, которые могут быть направлены в произвольные стороны и потому условны и даже вредны – мешают наблюдать и подмечать действительно важное. В области, над которой ты работаешь, необходимо воспитать в себе чувство пейзажа, и тогда многое из достающегося без этого чувства путем кропотливым и легко ведущим к заблуждению, дается само собою. Поэтому было бы очень полезно, если бы ты старался формулировать, чем характеризуется стиль пейзажа, виденного тобою – сначала отдельными штрихами, несистематичным перечнем отдельных, всплывающих в сознании признаков, а затем постепенно сращивая эти признаки в единое описание типа. Гете обладал этою способностью видеть тип наблюдаемого, в исключительной степени; у Гете надо учиться познанию природы. При случае почитай хотя бы книгу Лихтенштадта, ты найдешь ее в шкафу, где лежат книги по философии».

«Дорогая Олечка, получил твое письмо и сажусь отвечать тебе. Прежде всего, не беспокойся о твоих неудачах со школой: все обойдется и устроится к лучшему. Занимайся спокойно в каждый момент тем, что доступно, расти, развивайся и будь уверена, что все, что ты наработаешь теперь, в юности, когда-нибудь понадобится и притом выйдет так, что потребуется именно это, как будто случайное, знание. Говорю тебе так на основании долгого опыта жизни. Что же тебе нужно делать? Во-первых, надо усвоить известные навыки, необходимые, чем бы ты ни занималась в дальнейшем: языки, литературу, математику, физику и естественные науки, черчение, хотя бы немного, и рисование, музыку. Во всяком жизненном положении и при всякой деятельности это необходимо. Учись излагать мысли, чужие и свои, учись описывать: приобрети навык внимательного отношения к слову, к стилю, к построению. Хорошо, что ты начала учиться немецкому по серьезному; не забывай и французского; для этого старайся каждый день прочитывать хотя бы по страничке, и притом непременно вслух, а незнакомые слова ищи в словаре. Неплохо также читать по-французски, имея и русский перевод текста и сличая, что и как переведено, улавливая недостатки перевода. Вообще же старайся, чтобы языки, как русский, так и иностранные, были для тебя живым звуком, а не только значками на бумаге. Поэтому и русские сочинения, если не целиком, то хотя бы понемножку, старайся читать вслух и улавливай совершенство звука, ритм построения как со стороны звуковой, так и смысловой и образной. Непременно

читай вслух хорошие стихи, особенно Пушкина и Тютчева, пусть и другие слушают – учатся и отдыхают

Крепко целую тебя, дорогая Олечка, поцелуй мамочку. Живи бодро и весело, работай и будь здорова. Твой папа. Скажи маме, чтобы обо мне не беспокоились, т.к. всегда находится кто-нибудь, кто заботится обо мне и помогает устроиться с едой и прочими условиями жизни».

«Напиши мне, что ты читаешь. При случае почитай Лескова, да и другим тоже будет полезно и интересно. Потом еще почитай Леонтьева, – имею в виду его рассказы и повести. Но только, когда читаешь художественные произведения, не удовлетворяйся одной фабулой, а отдавай себе отчет в построении произведения, в особенностях языка, обдумывай типы. Надо понимать, как сделано произведение, в его целом и отдельных элементах, и для чего оно сделано именно так, а не иначе. Тогда ты увидишь, что различные особенности произведения, даже такие, которые сперва могут показаться недостатками, недочетами, капризами автора, на самом деле имеют целевое назначение в целом – для того чтобы достигнуть наибольшего впечатления в определенном смысле, чтобы дать цельность и органическую связность отдельным частям».

1935

«Дорогой Кирилл, часто вспоминаю тебя, особенно когда поздно вечером ложусь спать. Вспоминаю с болью, что огорчал тебя, не входя в твой возраст и требуя того, что ты не понимал. Дорогой мальчик, как бы мне хотелось – не исправить прошлое, которое уже прошло и неисправимо, – а сколько-нибудь возместить тебе его. Мне хотелось дать вам в наследство честное имя и сознание, что ваш отец всю жизнь проработал бескорыстно, не думая о последствиях своей работы для себя лично. Но именно из-за этого бескорыстия я должен был лишать вас удобств, которыми пользуются другие, удовольствий, естественных в вашем возрасте, и даже общения с вами. Теперь мне грустно, что вместо какой-либо пользы для себя в настоящем за все мое старание, вы не получаете и того, что получает большинство, несмотря на жизнь их родителей ради самих себя. Моя единственная надежда на сохранение всего, что делается: каким-либо, хотя и неизвестным мне путем, надеюсь, все же вы получите компенсацию за все то, чего лишал я вас, моих дорогих. Если бы не вы, я молчал бы: самое скверное в моей судьбе, – разрыв работы и фактическое уничтожение опыта всей жизни, который теперь только созрел и мог бы дать подлинные плоды, – на это я не стал бы жаловаться, если бы не вы. Если обществу не нужны плоды моей жизненной работы, то пусть и остается без них, это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество, тем, что я не проявлю того, что мог бы проявить. Но мне жаль, что я вам не могу передать своего опыта, и, главное, не могу вас приласкать, как хотелось бы и как мысленно всегда ласкаю. – В январе я писал тебе, но не знаю, дошло ли мое письмо. О том, как я живу, узнаешь из письма к бабушке. Крепко целую тебя, дорогой. Надо кончать письмо, очень поздно и я валюсь от усталости».

«Дорогой Вася, ты совсем забыл своего папу, ничего не пишешь. А мне ведь нужно знать, что ты делаешь, чем занимаешься, что думаешь. Пишешь ли что-нибудь. Непременно пиши, и записывай мимолетные и систематические наблюдения и мысли, и обрабатывай их. По собственному опыту я вижу, что накопление большого материала впрок ведет к тому, что большая часть его остается непроработанной и не приведенной в порядок. Старайся

воспользоваться хоть опытом моей жизни и более рационально тратить труд, т.е. поскорее оформлять найденное. Более крупные обобщения и более полная систематизация придут в свое время, и ничто не мешает потом вернуться к старому, пересмотреть, дополнить и исправить сделанное, но уже более сознательно и целеустремленно. Еще. Старайся при исследовании вовлекать в круг рассмотрения возможно больше различных характеристик и сопоставлять их между собою. Тогда сами собою будут приходить выводы, которые иначе потребовали бы большого напряжения и удачи. Особенно важно пользоваться различными физическими способами изучения вещества, т.е. химия дает слишком бедные, слишком далекие от действительного вещества характеристики, – говорит не конкретно и слишком вообще. Крепко целую тебя».

«Мамочка пишет о твоём беспокойстве относительно твоих занятий по кристаллографии. Вот несколько соображений, которые м.б. помогут тебе. Во-первых, старайся как можно чаще прибегать к наглядным пособиям и моделям. Пространственное воображение, трехмерное у человека на настоящей стадии развития, очень слабо, а при непривычке представлять себе пространственные образы часто просто отказывается работать. Можно быть совсем неглупым – и все же не владеть представлением пространственных образов. Поэтому необходимо помогать здесь моделями. Пусть учащиеся и сами их делают, это тоже очень помогает. Прибегай к стереоскопу. Найди разъемные модели и т.д., побольше пользуйся окрашенными поверхностями и цветным мелом – цвет очень укрепляет понимание формы. Во-вторых, тебе самому было бы совершенно необходимо изучить векторное исчисление, которое для кристаллографии есть важнейший инструмент. Сейчас занимаюсь с инженерами этой дисциплиной, и как мне досадно, что не могу заняться с тобою».

«Дорогой Олень, наконец-то ты стала поправляться. Только смотри, не напорти снова. Пользуйся, как можно больше, солнцем, это наилучшее истребление инфекции. Занимайся, как можно меньше, главное же – отсыпайся, отъедайся и дыши воздухом свежим. Хорошо было бы вам воспользоваться летом и есть побольше трав, но лучше в изготовленном виде».

«Дорогая Оля, очень скучаю без тебя и беспокоюсь о твоём здоровье. Непременно позаботься о том, чтобы не простужаться, т.к. в твоём положении всякая простуда может повести к рецидиву болезни. Одевайся по теплее, это очень существенно, поможет организму бороться против инфекции. Думаю, было бы хорошо применить внутренний прогрев – диатермию (токами высокой частоты), м.б. мама спросит об этом опытного врача. Приходится ли тебе говорить с Наташей о музыке? Мне думается, весьма важно обсуждать музыкальные произведения, даже и не вполне правильно, потому что необходимость сформулировать свою мысль заставляет задуматься и приучает расчленять впечатления. Попробуй составлять схемы музыкальных произведений, ничего, если будешь ошибаться. Было бы хорошо с кем-нибудь обсуждать такие схемы».

1936

«Дорогой Кирилл, сейчас в лаборатории, в которой провожу буквально круглые сутки, а рядом со мною один новый сотрудник проделывает упражнения на скрипке. Играет он недурно; упражняться около меня стесняется, т.к. боится помешать, усвоив на опыте, что его все гонят. Но я просил его играть у меня, – это успокаивает. Ведь живу «без божества, без вдохновенья, без слез, без чаю, без любви». Звуки радио раздражают, а упражнения несколько налаживают, во всяком случае не мешают. – Крепко целую тебя, дорогой Олень, будь здоров и весел».

«Дорогая Оля, присылаю тебе наброски (по книгам) отдельных ветвей и листьев дерева ГИНКГО (Ginkgo biloba), дерева, глубоко занимавшего меня своим строением с самого детства, хотя я и не знал, что в нем занимательного. Экземпляры его росли в Батуме на бульваре».

Письма о внуке

1936

«Дорогая Наташа, получил одно Ваше письмо. Надеюсь, что Вы бережете себя и ребеночка. Как я писал уже Вам, я сердечно рад его существованию и чувствую, что люблю его. Жаль мне только, что не увижу его собственными глазами. Но Вы впоследствии скажете ему, что его дед любил его, когда его еще не было под солнцем. Но было бы грустно, если бы Ваши занятия музыкой прекратились надолго. Очень неудобно, что у Вас нет инструмента дома – и для упражнения, и для радости. В моих бумагах была составленная мною по рассказам родословная Вашей семьи. Попросите кого-нибудь из наших переписать ее, чтобы она была и у Вас. Я считаю, что знать прошлое своего рода есть долг каждого и приносит много пользы для самопознания и исправления или предупреждения возможных ошибок в жизни, т.к. дает возможность учесть свои прирожденные склонности, спорности и слабости. Мне же в особенности хочется, чтобы Ваши дети были вооружены этим материалом самопознания, – конечно в будущем, которое наступит еще не скоро. Сообщите мне, когда собирается появиться на свет маленький. Всего хорошего, берегите себя и будьте здоровы».

«Дорогая Наташа, приветствую маленького и радуюсь его появлению. Надеюсь, Вы будете его растить в музыке, чтобы он пропитался насквозь ее ритмом».

«Дорогая Наташа, Вы что-то давно не сообщали, как растет мой маленький внучок. А я непрестанно не то что думаю о нем, а живу с ним. Очень, очень жаль, что не вижу его роста и развития, как раз в то время, когда закладывается самый каркас личности. Все остальное, позднейшее – только вариации на тему раннейшего детства. Старайтесь окружать его впечатлениями прекрасного, но только действительно прекрасного, первозрядного. Эти впечатления станут зародышами кристаллизации, на которых будет впоследствии отлагаться прекраснейшее, а все чуждое выбрасываться вон.

Занимаетесь ли английским? Как решилось с вашей учительницей, остается ли она в Загорске, или уезжает? Занимаетесь ли музыкой? Было бы печально, если бы вы бросили ее, играть непременно надо, хотя бы для маленького, если не для себя. Здоров ли он теперь? Думаю, как полезно было бы ему давать водоросли, они так благотворно действуют на желудок. Или хотя бы агар-агар. М.б. не теперь, а позднее. Ему можно было бы наварить на агаре мучной кисель. Всего хорошего».

Из писем младшим детям

1933

«Милая моя, дорогая Тика, спасибо за письмо, которому я обрадовался. Как и ты, я занимаюсь счетом, складываю и делю числа, но, наверное, ты делаешь это теперь получше моего. Кроме того я составляю таблицы и диаграммы; вероятно, и ты научилась делать то и другое. Хорошо ли идут твои уроки музыки? Ты доставила бы своему папе большую радость, если бы научилась играть так, чтобы разбиралась в хороших произведениях. Поздравляю тебя, дорогая, с прошедшим днем твоего рождения. Попроси у мамочки, чтобы она показала тебе мои книги и выбери себе самую красивую, какая тебе понравится. Пусть это будет тебе подарком от папы. А кроме того выбери себе какую-нибудь римскую или греческую монетку, чтобы потом приделать к ней застёжку и носить как брошку. Твой папа всегда вспоминает свою птичку и просит ее жить повеселее и заботиться о мамочке. Целы ли твои куклы? Кланяйся им от меня и скажи, чтобы они не шалили и слушались свою маму. Выучила ли ты уже таблицу умножения? Знаешь ли ты, что ее придумал древний греческий философ и математик Пифагор, так что тебе необходимо знать ее хорошо. Жива ли ваша курочка Жонетта? Скажи ей, чтобы она несла вам побольше яиц, а ей давай скорлупу. Как жаль, что у меня тут остается хлеб, ты могла бы им угостить своих кур. Скажи маме, что у меня есть все, что нужно, пусть же никаких посылок она мне не делает, а пусть лучше пишет письма. Целую тебя и желаю быть здоровой, спать побольше и быть веселой. Недавно я слышал, как воробей прочирикал, будто ты слишком рано встаешь. Правда ли это? Еще раз целую тебя. Твой папа»

1935

«Дорогой Мик, сообщаю тебе последние новости о чернобурых лисицах. Их всего шесть. Жениться они должны на местных красных лисицах. Чернобурых лисиц называют здесь серебристочерными, и я не уверен, что они тождественны с чернобурыми. Детей от таких браков называют сиводушками и, как я вычитал в газете, мех сиводушек очень ценен. Серебристочерные лисицы подружились здесь с собаками и поросятами. Бродят они всюду и иногда бьют стекла теплиц, вероятно влезая на верхние части строений. Кажется, около теплиц они заняты ловлей мышей. Несмотря на свою прирученность, лисицы не дают себя трогать. Сообщаю тебе интересный опыт над превращениями крахмала. Свари самый слабый крахмальный клейстер, всыпав на кончике перочинного ножа крахмал (картофельной муки) в несколько ложек холодной воды, растерев в однородную смесь и влив ее в 1/4 стакана воды кипящей, причем надо жидкость хорошо размешивать и слегка прокипятить, очень недолго. Немножко этого крахмального клейстера налей в пробирку и капни 1 каплю йодной настойки, несколько разбавленной водою. Клейстер посинеет, это реакция на крахмал. Потом нагрей синюю жидкость, но не грей долго – она обесцветится. Дай ей остыть – она снова посинеет. Снова нагрей – снова обесцветится и т.д. Теперь подлей немного кислоты (серной или соляной) и вскипяти раствор; если йод улетучится, то придется при охлаждении подлить еще каплю. Раствор получится фиолетовый. Это – реакция на амилодекстрин. Еще нагрей – йод дает красную окраску – реакция на амилодекстрин. Еще нагрей – окраски уже не будет получаться – реакция на ахроодекстрин. От нагревания, в особенности с кислотой, сложная молекула крахмала постепенно распадается на более простые, они-то и дают разные цвета окраски. Кислоты надо подливать немного и слабой, кипятить каждый раз 2–3 минуты. Теперь буду рассказывать тебе о рыбоводстве. ... По берегам ползает (именно ползает, а не

плавают) камбала, но мелкая; во время отлива, как я слышал, ее собирают на покинутом водою дне. Много разных моллюсков. Раковины, мелкие морские крабы, морские ежи, морские звезды водятся у берегов в изобилии. Это объясняется теплотой воды Белого моря (вследствие оттока Гольфштрема), обилием водорослей и плоскостью берегов. Конец бумаге. Крепко целую тебя, дорогой».

«Дорогая Тика, сообщаю тебе новость – у морской свинки родились детеныши, 4, но 2 мертвые. Малыши эти больше, чем я думал, но приятные. Они рождаются зрячими и, можно сказать, довольно взрослыми, и уже через неделю после рождения едят всякую пищу.

На третий день после рождения один весил 84 г, а другой 97 г, на 9-й же день вес 120 г и 100 г. Вешают всех свинок натошак. Другая новость: родились у крольчихи кролики, 4. Одна пара сереньких, как зайцы, а другая – черных. Кролики рождаются слепыми, но через 5–6 дней открывают глаза».

"Дорогой Мик, ты прислал мне очень красивый рисунок ландыша, к которому подлетает бабочка и подползает гусеница. Мне нравится, как ты изобразил жилки листьев. Очень жаль, что ты не сумел найти ничего о Фарадее (надо писать Фарадей, а не Фородей). Ты не забывай моего поручения, когда удастся, познакомься с его жизнью. Приучаешься ли ты, как я просил тебя, зарисовывать и записывать свои наблюдения над жизнью природы".

«Напиши мне, что ты теперь играешь и как идет у тебя немецкий язык. Чтобы научиться писать по грамотнее, старайся каждый день внимательно прочитывать хоть по 10 строчек какого-нибудь хорошего произведения, всматривайся в каждое слово, в каждую букву и в каждую запятую, чтобы глаз привык, как пишется то или другое слово и где и в каком случае ставится тот или другой знак препинания. Было бы хорошо, если бы ты с Аней или Миком вместе разбирали по несколько строчек и обращали внимание друг друга на написание. На это можно тратить минут 20, а будет и полезно и весело. Что делают твои куклы? Ты мне никогда не пишешь о них. Записывай каждый день, что ты делала и что видела интересного, а когда-нибудь я увижу твой дневник, да и тебе самой будет занятно вспоминать прожитое. Но еще лучше просто пользуйся воздухом и отдыхай на солнышке, чтобы набраться сил на зиму. - Крепко целую тебя, дорогая дочка. Не забывай своего папу и пиши ему».

«Дорогая Тика, хоть и поздно, однако поздравляю тебя с именинами и прошу скушать что-нибудь вкусненькое. Смотрю на последних оставшихся чаек и думаю о своей дорогой дочке. Скажи Оле, чтоб она стала составлять летопись семейных событий, т.е. записала бы в тетрадь (а сначала на бумажках) даты рождений и других семейных событий и расположила бы их в хронологическом порядке. Крепко целую свою дорогую Тику».

1936

«Дорогой Мик, как мне хотелось бы быть с тобою, чтобы приучить тебя к правильной работе и к накоплению знаний. Впрочем, если ты вспоминаешь иногда о своем папе, то наверное стараешься воспользоваться лучшими годами своей памяти и свежести восприятия, чтобы не терять времени зря и подготовить себя к будущей серьезной работе. Когда я был в твоём возрасте, то каждая потерянная минута казалась мне не то несчастием, не то преступлением, и я старался заполнять все время впритык. У меня были тетради, куда заносилось все существенное из прочитанных книг и отзывы о книгах, тетради интересных цитат, альбомы зарисовок с природы, тетради экспериментальных работ, разделенные по

параграфам, записные книжки для полевых наблюдений. Каждый день я ставил самому себе балл по работе (делалось это вечером) с мотивировкою его. Именно таким способом я приобрел запас знаний, навыки к работе и, главное, привычку. ...И еще напиши мне, есть ли в хлорофилле железо, а если нет, то есть ли там какой-нибудь металл. Крепко целую тебя, дорогой. Будь здоров».

1937

«Дорогой Мик, вот тебе загадка: какая фамилия одного ученого пишется с тремя мягкими знаками? Другой вопрос: какого цвета хлорофилл? Третий вопрос: когда Россия собиралась присоединить к себе Англию? Как-то ко мне обратился с вопросом один (увы!) мой бывший ученик и спросил: “Было два Спинозы, один Барух, другой Бенедикт. Который же из двух был особенно замечателен?” Можешь ответов мне не писать, а скажи их мамочке».

А в письме жене Флоренский оставляет ответы: «Загадка Мику разгадывается именем Къельдаль... Второй вопрос — ... хлорофилл — белый, а зеленый цвет ему придает присутствующий в нем зеленый пигмент. Третий вопрос: при Иоанне Грозном, который для этой цели сватался к английской королеве Елизавете, но получил отказ — на свое счастье, т. к. Елизавета была такая ведьма, что сумела бы доконать даже Иоанна Васильевича Грозного. Четвертый вопрос: Бенедикт есть латинский перевод еврейского Барух, так что Бенедикт Спиноза и Барух Спиноза есть одно и то же лицо...»

Интеллект-карта

